

Родникъ Искандеръ Муринъ
1882. № 9.

Исторія одной тэкинской дѣвочки и ея няни-солдата Родіона

(Эпизодъ изъ войны 1880—81 годовъ).

...Хриплые голоса, стоны, бѣшеные крики покрывались сплошнымъ ружейнымъ грохотомъ и раскатистымъ гуломъ орудій. Земля, орошенная кровью, вымачивалась трупами. Въ Геокъ-Тэпе шла ожесточенная свалка. Яростно дрались тэкинцы, дорогой цѣной продавая свою независимость; но оружіе и дисциплина русскаго солдата покорили нестройную массу отважныхъ фанатиковъ. Напряженіе защитниковъ крѣпости замѣтно ослабѣло. Непріятель дрогнулъ, его охватила паника... Началось безпорядочное отступленіе, перешедшее въ повальное бѣгство...

Въ эту минуту, на вершинѣ миннаго обвала, черезъ который солдаты наши ворвались въ крѣпость, появился офицеръ съ маленькимъ ребенкомъ, судорожно уцѣпившимся ручонками за его погоны. Поспѣшно спустившись съ обвала въ ровъ, гдѣ былъ расположенъ перевязочный пунктъ Краснаго Креста, офицеръ обратился къ одному изъ врачей съ просьбой помѣстить гдѣ-нибудь спасенную имъ дѣвочку. «Положите ее хоть сюда», — отвѣчалъ докторъ, указывая свободное мѣсто на одѣялѣ, разостланномъ по скату рва, гдѣ уже лежало нѣсколько раненыхъ женщинъ и дѣтей.

Офицеръ бережно положилъ свою ношу на указанное мѣсто и вернулся обратно въ крѣпость.

Очувтившись между ранеными, около которых хлопотали санитары, и оглушенный неумолкаемыми стонами, сливавшимися въ пронзительный вой, ребенокъ нѣсколько минутъ испуганно озирался кругомъ, потомъ всталъ и осторожно побрелъ впередъ, старательно обходя изможденные тѣла убитыхъ, розыскивая со слезами свою мать...

Гуль выстрѣловъ началъ постепенно ослабѣвать, орудія, наконецъ, смолкли; только изрѣдка раздавался сухой ружейный трескъ и глухіе выстрѣлы револьверовъ...

Изъ крѣпости, по направленію къ перевязочному пункту, въ сопровожденіи свиты, быстро подъѣзжалъ генералъ Скобелевъ*), возвращавшійся съ песковъ, гдѣ кавалерія наша преслѣдовала бѣжавшаго непріятеля. Поровнявшись съ перевязочнымъ пунктомъ, генералъ вдругъ осадилъ своего коня: передъ копытами его лошади очутился ребенокъ; сложивъ свои крошечныя ручки и устремивъ на него глаза, онъ что-то лепе-

*) Имя М. Д. Скобелева, конечно, извѣстно всѣмъ нашимъ читателямъ; они знаютъ также о его неожиданной кончинѣ въ Москвѣ, 25 іюня, и о торжественныхъ проводахъ, которыя устроилъ русскій народъ останкамъ этого героя. М. Д. Скобелевъ, извѣстный подъ именемъ «Бѣлаго Генерала», умеръ еще очень молодымъ, но успѣлъ уже прославиться своими подвигами въ Туркестанѣ, въ Турецкую войну 1878—1880 г. и въ Ахалъ-Тэкинскую 1881 г. Онъ заслужилъ славу чисто *народнаго героя* и пріобрѣлъ ее не одними военными подвигами, а тѣмъ, что любилъ русскаго солдата, понималъ его нужды, умѣлъ беречь его и облегчать душевнымъ словомъ и лаской тѣ безконечно тяжкія минуты, которыя приходится переживать солдату среди ужасовъ войны... За то и солдаты безконечно любили его; чрезъ нихъ имя Скобелева прогремѣло во всѣхъ концахъ Имперіи. Въ народѣ даже сложились о немъ теперъ цѣлыя легенды и едва ли есть на святой Руси деревня, гдѣ бы не знали имени «Бѣлаго Генерала» и не имѣли бы его портрета...

талъ. Это была дѣвочка, спасенная офицеромъ; въ поискахъ за матерью, она забрела на дорогу. Генераль Скобелевъ приказалъ отвезти сиротку къ графинѣ М. и просить ее временно позаботиться о ней; впослѣдствіи онъ рассчитывалъ взять дѣвочку къ себѣ на воспитаніе.

Графиня находилась по близости, въ осадномъ лагерьѣ, и когда ей доставили дѣвочку, она возложила уходъ за нею на своего деньщика Родіона, который, по причинѣ отсутствія женской прислуги, исполнялъ разнообразныя обязанности: повара, горничной и прачки. Послѣдній родъ дѣятельности особенно нравился Родіону и онъ не разъ хвасталъ умѣньемъ плоить и крахмалить самыя мелкія батистовыя вещи. Но, къ сожалѣнію, Родіонъ, при такомъ разнообразіи талантовъ, имѣлъ два непохвальныхъ качества: онъ былъ необыкновенно разсѣянъ и крайне обидчивъ. Стоило лишь слегка, даже ненамѣренно, задѣть его самолюбіе, и онъ ударялся въ горючія слезы, что очень не нравилось другому слугѣ графини, — казаку Лазарю, который называлъ за это своего собрата: «Хря»!

Обязанность няньки пришлась по душѣ Родіону. Обрадовавшись новому назначенію, онъ тотчасъ же принялся грѣть воду, чтобы отмыть густой слой грязи, покрывавшій маленькое тѣло дѣвочки. Ей было лѣтъ около трехъ. Своимъ смуглымъ личикомъ, живыми, черными глазенками, недовѣрчиво озирающимися на окружающихъ, въ длинной, грязной рубашонкѣ, составлявшей весь ея костюмъ, — она напоминала маленькую цыганку, только что взятую изъ табора.

Изъ нрѣпости быстро подъѣзжалъ генераль Скобелевъ... (стр. 225).

Процессъ омовенія показался ей, должно быть, очень непріятнымъ, такъ какъ она подняла громкій крикъ и неистово отбивалась руками и ногами; но безжалостный Родіонъ, не обращая на это ни малѣйшаго вниманія, мылилъ ее самымъ тщательнымъ образомъ.

«Какъ ни галди, а чиста будешь», приговаривалъ онъ, усердно окачивая ее теплой водой. Наконецъ, купанье было окончено; на дѣвочку надѣли чистую рубашку, которую смастерили изъ мужской, закутали ее въ большой платокъ и, за недостаткомъ другой обуви, надѣли длинные шерстяные чулки. Положивъ въ такомъ видѣ смуглянку на носилки, замѣнявшіе кровать, запыхавшаяся нянька принялась поить ее чаемъ. Маленькая дикарка начала-было отворачиваться, но множество ласкательныхъ кличекъ, въ родѣ: «курочка, свиночка, сизо-перочка», пущенныхъ въ ходъ расходившимся Родіономъ, побѣдили ея упорство. Чай былъ выпить; подъ вліяніемъ усталости и сильного нравственнаго потрясенія страшными сценами минувшаго дня, она погрузилась, наконецъ, въ тяжелый, лихорадочный сонъ.

Въ память дня спасенія дѣвочки—12 января, ее называли *Татъяной*, по прозвищу *Тэкинской*.

Прошелъ мѣсяцъ. Война кончилась. Усталые солдаты возвращались домой, оставляя множество заболѣвшихъ по лазаретамъ и гошпиталямъ. Графиня М. съ своей питомицей давно уже уѣхала изъ-подъ Геокъ-Тэпе и поселилась при главномъ гошпиталѣ на посту Бами, гдѣ устроилась въ красивой бухарской

кибиткѣ. Небольшой ручей, протекавшій подлѣ самой кибитки, съ перекинутымъ черезъ него мостикомъ, и нѣсколько деревьевъ, разсаженныхъ кругомъ, придавали необыкновенно много жизни этому уголку. Особенно живописно выдавался онъ среди однообразныхъ группъ палатокъ и другихъ кибитокъ, разбросанныхъ по отлогости Копепадагскаго хребта, сливавшихся съ необозримой мертвой пустыней.

Въ ясные дни, изрѣдка выпадавшіе въ это ненастное мартовское время, обыватели лагеря видѣли маленькую дѣвочку, закутанную въ красный платокъ, грѣвшуюся на солнышкѣ возлѣ ручейка. Малютка въ красномъ платочкѣ занималась бросаньемъ пожелтѣвшихъ листьевъ въ быстрыя струи ручья, причемъ очень серьезно слѣдила за тѣмъ, какъ они уносились теченіемъ. Если кто-нибудь изъ насъ, подъ вліяніемъ любопытства, позволялъ себѣ подойти къ дѣвочкѣ, она быстро вскакивала на ноги и пронзительно крикнувъ: «Родіонъ!» мгновенно исчезала въ кибиткѣ. Эта пугливая, точно попавшій въ западню звѣрекъ, эта нелюдимка и была маленькая Таня Тэкинская. Привязалась она къ одному только Родіону и къ графинѣ. Онъ ее кормилъ, одѣвалъ, раздѣвалъ, мылъ, укладывалъ спать и вдобавокъ еще, училъ выговаривать по русски разныя слова. Ко всѣмъ прочимъ Таня относилась или со страхомъ и недовѣріемъ, или съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Родіонъ же былъ для нея все. Она часто слѣдовала за нимъ по пятамъ, лепеча при этомъ что-то на туркменскомъ языкѣ. Но въ подобныхъ случаяхъ, Родіонъ, знавшій только русскій языкъ, ни мало не смущался. Онъ или утвердительно кивалъ головой, или вдругъ тара-

щиль удивленные глаза на дѣвочку. Последнее очень нравилось Танѣ и она заливалась веселымъ смѣхомъ.

Жаркіе лучи майскаго солнца ярко освѣщали палубу и рупку парохода, медленно отвалившаго отъ Красноводской пристани. Собравшаяся на берегу публика дружно махала платками и шапками, прощаясь съ отъѣзжавшими. Раскатистое эхо салютныхъ выстрѣловъ изъ орудій, магическіе звуки боеваго марша Ширванскаго полка, сливавшіеся съ сердечными криками: «Прощайте!» «Спасибо вамъ!» придавали минутѣ разставанья нѣкоторую торжественность. Изъ Красноводска уѣзжалъ санитарный отрядъ «Краснаго Креста», проработавшій около года въ обширныхъ пескахъ Закаспійскаго края.

На рупкѣ 1-го класса, среди группы сестеръ милосердія, копошилась дѣвочка въ соломенной шляпкѣ и голубомъ платицѣ, изящно сидѣвшемъ на ея крошечной фигуркѣ. Дѣвочка весело щебетала. Подбѣгая то къ одной, то къ другой сестрѣ милосердія, она съ любопытствомъ спрашивала ихъ про окружавшіе предметы новой для нея обстановки. Дѣвочка эта была Таня. Она уже довольно свободно говорила по русски, а изъ роднаго языка помнила только нѣсколько словъ. Веселая, общительная, любознательная, она вовсе не напоминала теперь прежнюю пугливую Таню - *красный платочекъ*, прятавшуюся отъ людей.

Пароходъ входилъ въ открытое море. Берега, превратившіеся въ сѣрые контуры, все синѣли и си-

нѣли, пока не слились съ горизонтомъ. Говоръ на рупкѣ стихалъ. Угомонилась и маленькая Таня, прикурнувъ на скамейкѣ. Глазки ея, устремленные на яркую синеву моря, смыкались все чаще и чаще, и, наконецъ, она заснула тихимъ, крѣпкимъ сномъ.

А на кормѣ парохода сидѣлъ, въ это время, пригорюнившись, молодой солдатъ; глаза его также были устремлены въ темносинюю даль и изъ нихъ медленно катились слезы. Это былъ Родіонъ.

У него взяли Таню. Дѣвочку везли въ Москву, чтобы отдать въ учебное заведеніе. Ребенокъ равнодушно покидалъ родину и радовался новизнѣ своего положенія, тогда какъ бѣдный солдатъ-няня плакалъ, оставляя чужую землю, потому что, вмѣстѣ съ нею, онъ навсегда разставался съ своей маленькой Таней.

Спустя мѣсяцъ послѣ приѣзда Тани въ Москву, она была окрещена въ православную вѣру и, затѣмъ, по волѣ Государя, принята на казенный счетъ въ Николаевскій сиротскій домъ.

Д-ръ А. В. Щербанъ.

